

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Николай Черкашин

БРЕСТСКИЕ ВРАТА

Дорогие читатели!

Сегодня, как никогда важно помнить о подвигах наших воинов. Брестская крепость стала символом Великой Отечественной войны, символом беззаветного мужества и воинского самопожертвования, ибо блажен тот, кто положит свою жизнь за други своя, кто с мечом встретит врага у своего порога.

В центре цитадели стоял и стоит храм – церковь Святого Николая. И то, что с первых часов войны у ее стен разгорелся жаркий бой – промыслительный знак нам всем. Осмыслим это и поймем, что минувшая, но незабытая война была войной не только за Отечество, но и за Веру, даже если советские воины и носили на своих касках, пилотках, фуражках красные звезды. Не зря бывалые солдаты говорят: «На фронте атеистов не бывает», – а моряки добавляют: «Кто в море не ходил, тот Богу не молился».

Эта книга принадлежит перу писателя Николая Черкашина, который с детских лет «болеет» Брестской крепостью, изучает ее едва ли не всю жизнь, пишет о ней сценарии и книги.

Убежден, что «Брестские врата» – это душеполезное чтение для всех возрастов, и от всего сердца благословляю это издание.

Феофилакт,
епископ Дмитровский,
викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси

Dear readers!

Today it is more than ever important to remember the exploits of our soldiers. Brest fortress became a symbol of the Great Patriotic war, a symbol of selfless courage and military sacrifice, because the one is blessed who will lay down his life for his friend, who will with a sword meet the enemy at own doorstep. In the center of citadel stood and stands now the Church of St. Nicholas. And the fact the hot battle flared exactly up near its walls in the first hours of the war is a providential sign to all of us.

Let us comprehend this and understand the passed but unforgotten war was not only a war for the Fatherland, but also for the Faith, even if the Soviet soldiers wore red stars on their helmets, caps and hats. Not without reason experienced soldiers say: «There are no atheists at front,» and sailors add – «Who did not go to sea, he did not pray to God.»

This book belongs to pen of the writer Nikolai Cherkashin, who got carried away with Brest fortress since childhood, studies it almost all his life, writes scripts and books about it.

I am convinced «The Brest gate» is a soulful reading for all ages, and I bless wholeheartedly this publication.

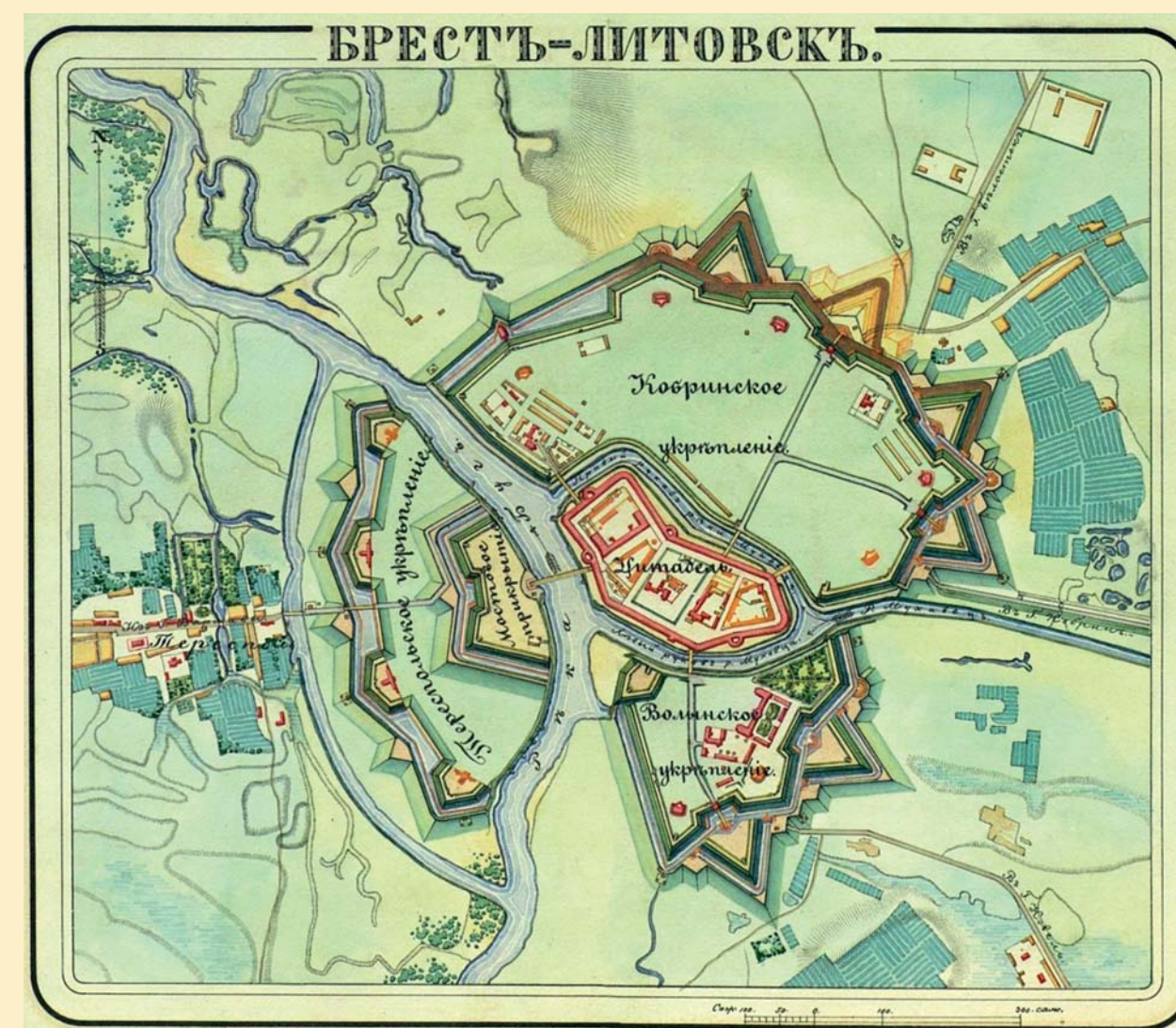
Theophylact,
Bishop of Dmitrov,
vicar of his Holiness Patriarch of Moscow and all Russia

КАМЕННЫЙ СТРАЖ

После войны 1812 года российские стратеги задумались, как оградить страну от вторжений с Запада, подобных наполеоновскому. И решили перекрыть все важнейшие дороги, ведущие вглубь России, мощными крепостями. И к середине 19-го века развернули небывалое фортификационное строительство. Так от Кронштадта – главной морской твердыни российской империи на подступах к столице – встали мощные крепости в Ковно (нынешнем Каунасе), Гродно, Осовце, под Варшавой в Ново-Георгиевске, в Бресте. Крепость в Бресте перекрывала кратчайшее направление к Москве из Варшавы, через Минск и Смоленск. Она располагалась в весьма выгодном месте – на естественном острове в слиянии двух рек – Мухавца и Западного Буга.

Именно там разместилось ее сердце – Цитадель, построенная, как сплошное оборонительное кольцо из толстостенных казематов, прорезанное четырьмя – по сторонам света – воротами. А подступы к цитадели прикрывали мощные укрепления на других искусственных островах – Западном, Южном и Северном. В разное время они назывались по-разному. Тот же Западный остров был и Авиационным, и Пограничным, Южный именовался Госпитальным...

Брест Литовский. Атлас крепостей Российской империи, 1830 г.

Создатели Брестской крепости, слева направо: инженер-генерал К. Опперман, инженер-генерал граф Э. Тотлебен, полковник Г. Лагорио

Но все они были обнесены крутыми земляными валами, обведены водяными рвами. Сквозь валы были прорезаны ворота, выходящие из Крепости. А самые главные – Северные – были защищены двумя фортами – Западным и Восточным. Через эти укрепленные острова шла главная дорога на Москву, и брестская крепость была навешена на нее, как огромный кирпичный замок. В самом деле, чтобы миновать Брест, враг должен был пробиться через Западный остров и войти в Цитадель через Тереспольские ворота, а затем пройти мимо казематов весьма протяженного трехэтажного Арсенала, пересечь Центральный остров и ворваться через Трехарочные ворота на обширное Кобринское укрепление, пробиться между Западным и Восточными фортами к Северным воротам и уж только потом двигаться по Московскому тракту.

Запомним имена тех, кто создал этот фортификационный шедевр: инженер-генерал К. Опперман, генерал-майор инженерных войск И. Ден, инженер-генерал граф Э. Тотлебен, полковник Г. Лагорио, штабс-капитан И. Белинский, капитан Д. Карбышев...

Брестская крепость, вид на Тереспольские ворота, худ. М.Залеский, 1840 г.

Брестская крепость и ее окрестности, с польской карты 1925 г.

Долгое время крепость, построенная из превосходного кирпича, казалась непреодолимым препятствием, пока развитие артиллерии не обрекло ее, как и все крепости Европы на заведомое поражение – время падения определялось мощностью осадных орудий. В первую мировую войну Брестская крепость была оставлена русскими войсками. В 1919 году сюда пришли войска новообразованной Польши и расположились здесь на целых двадцать лет. Поляки не рассматривали крепость, как боевую фортификацию, а разместив здесь штаб Полесского округа и саперную бригаду, весьма комфортно обжили цитадель. По сути дела, на это время Крепость стала своего рода парком культуры и отдыха. Сюда по проложенной узкоколейной дороге приезжали горожане на всевозможные празднества. Здесь устраивались представления на воде, сооружали аттракционы, скульпторы-любители ставили изваяния в тенистых аллеях... Но в сентябре 1939 года Крепость вступила в бой с войсками Гудериана, которые ворвались в Брест-над-Бугом. Польские солдаты держали оборону несколько дней. Но главное сражение разыгралось через два года. И оно выпало на долю советским солдатам.

НОВОЕ ВИНО В СТАРЫЕ МЕХИ

Генерал-майор
Леонид Михайлович
Сандалов

В октябре 1939 года острова-бастионы крепости над Бугом заволокли красноармейцы. Они пришли сюда не столько воевать, сколько жить, служить и готовиться к войне. Новые военачальники видели в крепости прежде всего «казарменный фонд» и «складские площади». И потому в казематах цитадели разместили не орудийные установки и пулеметы, а нары в три, а кое-где и в четыре яруса.

В Брестской крепости располагались две стрелковые дивизии, которым даже в мирное время требовалось немало времени, чтобы покинуть цитадель и развернуться в поле. В казематах, фортах и казематированных казармах Крепости были размещены 7 батальонов из состава обеих дивизий, а также 37-й отдельный батальон связи, 98-й отдельный противотанковый артиллерийский дивизион, 75-й отдельный разведывательный батальон, 31-й отдельный автотранспортный батальон, 44-й отдельный полевой автохлебозавод, 393-й отдельный зенитный дивизион, дивизионные склады,

а также корпусной и армейский госпитали, штабы, некоторые подразделения 33-го отдельного инженерного полка, две орты 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД, подразделения 17-го Краснознаменного отряда, курсы шоферов Белорусского пограничного округа, а также часть военнослужащих сборов приписного состава.

Вот что о том сообщил генерал-полковник Леонид Сандалов (в 1941 году – полковник, начальник штаба 4-й армии): «Для размещения личного состава пришлось приспособить часть складских помещений и даже восстановить некоторые форты крепости, взорванные в 1915 году. В нижних этажах казарм устраивались четырехъярусные нары. Конечно, командующий округом, размещая так войска, думал о создании наибольших удобств. В пунктах, указанным генеральным штабом частям корпуса пришлось бы ориентироваться во основном на барак и землянки. Таким образом хозяйственные соображения побороли у Павлова оперативные. А мы, командование 4-й армии отнеслись к такому оперативно невыгодному и даже больше того – опасному размещению войск, мягко выражаясь, примиренчески».

Увы, и эта недалекость, и это примиренчество были оплачены в Крепости немалой кровью...

О начале войны горожане были оповещены лучше, чем штабы Бреста. Командиры армий и корпусов ждали информацию из Москвы и Минска, а брестчане получали ее от своих родственников по ту сторону границы, и если большие военачальники сомневались, нападет ли Германия на СССР, то некоторые местные жители уже накануне кровавого воскресенья стали уходить из города. Первые беженцы вышли на шоссе еще до начала огневого урагана.

Но в армейский штабах пытались верить в официальную версию того, почему немцы стягивают свои войска к границам СССР.

Официальная версия гласила: Гитлер якобы выводит свои войска из зоны действия британской авиации. Неофициальная версия: Германия стягивает ударный кулак для массированного удара сразу же, как только Лондон капитулирует.

И ВОСКРЕСЕНЬЯ НЕ БУДЕТ...

В ту далекую субботу, последний мирный день, служба в Крепости правилась, как всегда.

В полках заступали в суточный наряд дежурные подразделения. Как обычно, на правом фланге – выстраивались караулы, а затем шли дежурный по парку, дежурный фельдшер, дежурный по КПП, дежурный по штабу полка, дежурные по ротам, посыльные, дежурный по столовой, пожарный наряд, дежурное подразделение и дежурный сигналист-барабанщик...

Дежурный по полку командовал: «Наряд напра-ВО! На ре-Мень!»

И под бой малых ротных барабанов колонны маршировали мимо командиров полков или замещавших их начальников, которые брали под козырек и провожали глазами ровные ряды.

Полковые оркестры играли боевые марши. Под певучую звонкую медь, чеканя шаг, расходились по своим местам караулы, наряды, дневальные... Знали ли они, что это их последний развод? Ничего они не знали...

Гремел лихой конармейский марш:

... Про то, как в ночи ясные,
Про то, как в дни ненастные
Мы гордо и смело
В бой идем! Идем!

Звуки марша перелетали через близкую границу и слышны были в Тереспеле, где с железнодорожных платформ уже сползали гусеницы сверхтяжелых артиллерийских мортир, названных в честь древнегерманских богов «Тор» и «Один».

* * *

«Последнюю предвоенную ночь, – вспоминал начальник штаба 4-й армии генерал-майор Л.М. Сандалов, – старший командный состав армейского управления провел в помещении штаба армии. В нервном состоянии ходили мы

из комнаты в комнату, обсуждая вполголоса кризисную обстановку. Через каждый час звонили в Брестский погранотряд и дивизии. Отовсюду поступали сведения об изготовившихся на западном берегу Буга немецких войсках. Доносили об этом в штаб округа, но оттуда не следовало никаких распоряжений.

– Я как командующий армией имею право поднять по боевой тревоге только одну дивизию, – сказал Коробков. – Хотел было поднять 42-ю, но посоветовался с Павловым, а он не разрешил».

Руки у командующего армией были связаны приказами из Москвы и Минска, суть которых так мало соответствовала моменту – «не поддаваться на провокации, не давать повода к провокациям...»

И даже когда уже началось, когда заиграли всю канонаду и бомбардировки, когда уже рвались на оперативный простор танки Гудериана, поводя пушками на восток, будто вынюхивая путь на Москву, и тогда еще генералу Коробкову велено было «только пленять прорвавшиеся войска, а государственную границу не переходить».

Генерал-майор
Александр Андреевич
Коробков

Куда там переходить, свое бы удержать... А через полтора часа и сам штаб 4-й армии был подвергнут удару с воздуха. По счастью, Коробков и многие штабисты успели покинуть здание, чтобы перебраться на полевой командный пункт в Тевли.

Спустя много лет Л.М. Сандалову написал бывший начальник оперативного отдела штаба Западного фронта генерал в отставке И.И. Семенов: «...Лично я предлагал Павлову и Климовских (командующий войсками Западного Особого Военного округа и его начальник штаба) за две-три недели до начала войны (после возвращения из Москвы, из ГШ), поднять войска по плану прикрытия, но они на это не пошли. Было прямое указание не делать этого.

Эх, Леонид Михайлович! Если бы мы это сделали хотя бы за неделю до войны, разве бы мы дали немцам так быстро продвигаться, даже несмотря на их превосходство?

Полковник Л. Сандалов вспоминал: «Около 2 часов ночи 22 июня начала действовать гитлеровская «пятая колонна». Из Бреста сообщили по телефону, что в городе и на железнодорожной станции погас свет и вышел из строя водопровод. Через несколько минут произошла авария на электростанции в Кобрине, а еще через полчаса ко мне вошел взволнованный начальник связи армии полковник А.Н. Литвиненко и прерывающимся голосом доложил: «С штабом округа и со всеми войсками проводочная связь прекратилась.» Исправной осталась одна линия – на Пинск. Послал по всем линиям исправлять повреждения. Примерно через час связь с штабом округа, с Брестом и с Высоким, в котором размещался комендант укрепрайона, была восстановлена; оказалось, что на линиях в нескольких местах были вырезаны десятки метров провода.»

В 3 часа 30 мин. командующий округом вызвал к телеграфному аппарату командарма и сообщил ему, что в эту ночь ожидается провокационный налет фашистских банд на нашу территорию. Было приказано на провокацию не поддаваться; банды пленить, но госграницу не переходить.

До 4 часов командарм успел лично по телефону передать распоряжение начальнику штаба 42-й дивизии и коменданту укрепрайона, однако приказ из округа запоздал. Из Бреста и Высокого в 4 часа донесли по телефону, что немцы открыли артиллерийский огонь по Бресту и крепости, по военным городкам и что командиры дивизий объявили боевую тревогу. Но было поздно». Фатально поздно...

Первые выстрелы Великой войны раздались не в крепости, а на железнодорожном мосту через Буг, когда командир немецкой штурмовой роты выстрелил в постового красноармейца. Его напарник прыгнул в реку... Точно также был захвачен автомобильный мост через Буг южнее Бреста в городке Кодень.

Вспоминает начальник штаба 4 армии полковник Л. Сандалов: «...Для захвата моста у Коденя Фашисты прибегли к еще более коварному приему. Около 4 часов они стали кричать со своего берега, что по мосту к начальнику советской погранзаставы сейчас же должны перейти немецкие пограничники для переговоров по важному не терпящему отлагательств делу. Наши ответили отказом. Тогда с немецкой стороны был открыт огонь из нескольких пулеметов и орудий. Под прикрытием огня через мост прорвалось пехотное подразделение. Советские пограничники, несшие охрану моста, пали в этом неравном бою смертью героев. Вражеское подразделение захватило мост, и по нему на нашу сторону прорвалось несколько танков...»

В самой крепости боевые действия тоже начались до артналета — их начала диверсионная группа спецполка «Бранденбург». Первым делом группа, переодетая в форму бойцов РККА, проникла в помещение крепостной электростанции возле Тереспольских ворот и, убив дежурного электрика, вырубил

Немецкая 600 мм мортира Karl Gerat 040 «Один»

свет. Потом диверсанты захватили офицерскую столовую, и окончательно закрепились возле Трехарочных ворот, дождавшись начала первого удара.

Все, кто не спал в эту ночь, увидели перед рассветом завораживающее зрелище: по ночному небу с нарастающим гудом двигались караваны красно-зеленых огоньков. Они пересекли линию границы, и пошли на восток. Это были самолеты, много самолетов, воздушные эскадры бомбардировщиков шли в сторону Минска, через головы войск прикрытия границы.

Ахнуло так, что полнеба полыхнуло адским огнем. Это ударила вся артиллерия, собранная на том берегу Буга в единый кулак. В районе Белого дворца с неистовой силой рвануло нечто с неистовой силой взрыва. Десятки других взрывов – помельче, обрушились на казармы и строения цитадели. В одну секунду запылали крыши, автопарки, коновязи. Истощенный визг раненых лошадей накрыл центральный остров. Десятки коней стояли под открытым небом и теперь все они были обречены на заклятие.

В той кровавой неразберихе в предутренней мгле, в красноватой завесе кирпичной пыли мелькали в клубах дыма полуодетые бойцы – кто в майках, кто в нательных рубашках, кто в гимнастерках... С оружием и без они бежали к выходу из цитадели – к призывно белеющим Брестским воротам. Все три и без того нешироких прохода были плотно забиты людьми. Казалось, все живое пыталось выскочить из огненного кольца горячей цитадели, но легче было протащить трех верблюдов через три игольных ушка, чем эту толпу обезумевших от внезапной налетевшей смерти пропустить через три арки массивных кирпичных ворот. Через них пытались проскочить перемешанные в одну орду стрелковые роты, артиллерийские дивизионы, бойцы разведбата, связисты, конвойщики, шоферы автобата, хозяйственники и прочий военный люд – все, кого застигла в крепости роковая ночь. Любой немецкий снаряд, любая мина без промаха находили свои жертвы. Осколки и пули впивались в спины, в плечи, головы, и мертвые мешали бежать живым. Вопили раненые, еще не потерявшие сознание от невыносимой боли, отчаянно матерились застрявшие в проходах, прижатые к стенам натиском толпы. Именно здесь погибло больше всего красноармейцев и в тот роковой день, и в последующие.

В АТАКУ НАВСТРЕЧУ АТАКЕ

Шел второй час войны. Немцы были уверены, что ракетно-артиллерийский огневой шквал сделал свое дело. Отбиваются только одиночки, еще немного и они, вместе с уцелевшими, выйдут с поднятыми руками. К величайшему их изумлению, а потом и к смятению из дверей кольцевой казармы выбежало человек сорок полуодетых бойцов. В руках у них были винтовки с примкнутыми штыками, и вел их черноволосый молодой старшина с искаженным от ярости лицом. Это был комсорг полка Самвел Матевосян. С наганом в руке он выскочил из казармы в грохот, в трескучую пальбу, в удушливый дым, густую кирпичную пыль. За ним ринулись остальные – все, кто успел схватить в ружейной комнате винтовки.

Под натиском этой отчаянной контратаки автоматчики дрогнули: меньшая часть повернула назад – к Тереспольским воротам, а остальные попытались прорваться дальше – к берегу Мухавца. Рукопашная под русское «Ура!» была жестока, кровопролитна и недолга. Тут выплеснулось все: и обида за подлость ночного внезапного удара, и за втянутые в плечи головы, на которые сыпались со сводов кирпичи, и месть за погибших товарищей... Все это слилось в один поток ненависти и ярости. Бойцы Матевосяна ринулись за бегущими к реке автоматчиками. Их было не менее полуроты, они вдвое превосходили атакующих красноармейцев. Оправившись после первого ошеломления, немцы застряли в цепь, торопливо отстреливаясь.

Рядом высилось трехэтажное здание Белого дворца, обнесенное каменной оградой, оно как нельзя лучше подходило для круговой обороны. В его глубоких подвалах можно было укрыть раненых, и их уже заносили туда.

Перед дворцом стояли танкетки и броневики 75-го отдельного разведывательного батальона (ОРБ). За их броней пытались найти убежище приписные – толь-

Бой у Тереспольских ворот, фрагмент трехмерной панорамы «Герои Брестской крепости», г. Рязань.

ко что призванные из запаса, совершенно безоружные узбеки, чеченцы, казахи.

Белый дворец стал от копоты черным. Здесь укрывались остатки петровского полка. Бойцы судачили, потягивая свернутые наспех сигарки:

– Затянулась, однако, провокация...

– Какая на хрен провокация! – Возмущался другой голос. – Война это самая настоящая!

– Ну, ничего, наши к вечеру вернутся, покажут им кузькину мать!

Тем временем большая группа немецких солдат ворвалась в бывшую церковь и заняла в ней круговую оборону. С высоты церковной крыши они держали под обстрелом большую часть двора цитадели. Но и сами не могли высунуть носа из церковных дверей, которые были под обстрелом защитников крепости. Часть штурмовой роты уже перескочила через мост у Трехарочных ворот на Северный остров, и обратно не могла вернуться, так как была отсечена пулеметным огнем, который велся с земляного покрытия рavelина, в котором располагалась крепостная хлебопекарня. Получилось, как в старинной русской побасенке: «Тятя, я медведя поймал! – Так тащи его сюда! – Дак он не пускает!»

*Командир отделения
84-го стрелкового полка
Самвел Матевосян*

Трехарочные (Брестские) ворота

Чтобы выбить немцев из церкви, защитники цитадели предприняли атаку с двух сторон — со стороны алтарной части (здесь бойцов вел Матевосян) и со стороны входных дверей. Перед атакой удалось подкатить 76 мм орудие и выпустить несколько снарядов по верхней части храма, где засели автоматчики. Группа красноармейцев ворвалась в притвор и там застряла. Часть осажденных немцев укрылась на хорах и оттуда сверху держала под обстрелом все внутри-церковное помещение, а часть спустилось в подклет.

Привожу отрывок из своей киноповести «Брестские ворота» (журнал «Смена» №1 за 2019 г.):

«Своды храма были пробиты в нескольких местах, и из них косо падали солнечные снопы, насыщенные кирпичной пылью. При каждом взрыве ручной гранаты листки наглядной агитации взлетали в воздух и порхали по залу. Гранаты бросали с хоров, но их осколки не доставали тех, кто укрывался в притворе.

– Положеньеице – и не туды, и не сюды! – покачал головой Матевосян.

– Это, как в русской поговорке, – усмехнулся Иванов. – «Тягь, я медведя поймал... Так тащи его сюда!.. Не могу, медведь не пускает».

– Может, выкурить этого медведя? – предложил один из бойцов. – Пожарчик бы тут развести.

– А сами куда денемся?

– Бабушка моя говорила, кто в храме помрет, тот сразу в рай попадет...

– А кого в полковом клубе пристрелят, тот прямиком в ад, – мрачно изрек ефрейтор-артиллерист с перевязанной обрывком нательной рубахи шеей. – Клуб это, а не храм. Был храм да весь вышел...

– Тихо! – поднял руку батальонный комиссар Иванов. Он прислушивался: голос немецкого радиста звучал вполне различимо – акустика в храме была отменная.

– Они запрашивают подкрепление, – переводил батальонный комиссар. – Просят, чтобы их деблокировали со стороны входа... Надо держать под прицелом входы в оба придела.

Гитлеровцы пытаются ворваться в крепость, снимок из немецкой фотохроники.

Иванов сложил ладони рупором и громко крикнул на хоры:

– Немецкие солдаты! Ваше положение безнадежно! Мы готовы обменять ваши жизни на ваши автоматы. Бросайте их вниз и спускайтесь по одному без оружия!

В ответ полетели гранаты и грязные ругательства.

– Что они кричат? – спросил Манасян.

– Они кричат, что я выродок, который предал немецкий народ.

– Забавно... Они вас за немца держат.

– Значит, хорошо учил дойч.

Иванов еще раз прокричал в сложенные ладони:

– Внимание! С вами говорит советский офицер! Я приказываю прекратить стрельбу и немедленно спуститься вниз! Не стрелять! Это приказ!

На хорах притихли.

– Что вы им там сказали? – спросил Манасян.

– Приказал спуститься вниз и не стрелять.

– Послушаются?

– У немцев сильный рефлекс подчинения. Может, сработает.

И Иванов опять повторил свой приказ в резкой категорической форме. Голос его звучал уверенно и требовательно, будто он и в самом деле орал на своих подчиненных. Рефлекс подчинения сработал только у двоих. Но они спустились не с хоров, а вышли снизу – из подклета. Они чрезвычайно удивились, увидев русского командира, который так хорошо говорил на их родном языке – в дражной прожженной телогрейке, наброшенной на голое тело, он даже на русского офицера не походил.

– Как вы там оказались? – допрашивал их Иванов. – И сколько вас там?

Солдаты угрюмо молчали; они не могли поверить, что оказались в русском плену. Лишь один из них неохотно буркнул:

– Когда вы пошли на штурм и ударила пушка, десять человек спустились в подвал, а остальные поднялись наверх.

– Значит, в подвале остались еще восемь человек?

– Так точно.

Иванов с Манасяном переглянулись:

– Хорошенький сюрприз: немцы сверху, немцы снизу и мы посередине!

– Кто кого захватил...

– А что с этими, с пленными будем делать? Куда их? Расстрелять?

– В Красной армии пленным не расстреливают, – заметил Иванов. Он подобрал лист бумаги с портретом Сталина, и угольком написал на обороте «Гитлер капут!», затем засунул лист под заспиленные ремни пленного автоматчика.

– Идите вперед! – скомандовал он на немецком. – Встаньте лицом к алтарю. И не оглядываться. Шаг в сторону – стреляю!

Пленные покорно зашагали к алтарю. Встали, как им было указано.

– Эй, вы, наверху! – закричал Иванов на хоры. – Перед вами ваши Kameraden. Мы дадим им возможность уйти живыми, если сверху спустятся двое и сдадут свое оружие. Наступила напряженная тишина. Слышны были лишь редкие выстрелы в районе Брестских ворот да шорох сыплющейся сверху кирпичной крошки.

– Мне повторить условие?! Или вы все поняли?!

Вместо ответа вдруг раздались хриплые, но распевные звуки органа.

– Бах, – отметил про себя Иванов. – Месса.

Играл явно не профессионал, но музыка звучала величественно торжественно и грозно. Казалось, она лилась из проломов в сводах храма.

Устроители полкового клуба в 39-м году не стали ломать старый костельный орган, а попытались его использовать для нужд художественной самодеятельности. Манасян помнил, как однажды кто-то из командиров, игравших на

фортепиано, попытался сыграть на нем «Интернационал». Прозвучало столь внушительно, что стали искать потом профессионала. Но старик-органист покинул Брест сразу же после Сентябрьской войны, и теперь жил в Тереспеле. Сейчас играл кто-то из солдат, и непонятно было, то ли это реквием по тем камерадам, которые должны были быть расстреляны у всех на виду, то ли это молитвенная просьба о помиловании... Музыка оборвалась столь же неожиданно, как и началась. На каменной узенькой лестнице, ведущей на хоры и звонницу, слышались громкие шаги кованых немецких сапог.

– Не стреляйте! – крикнули с лестницы. – Нас двое.

Они бросили свои автоматы к ногам Иванова. Тот осмотрел магазины – они были пустые. Понятно, что все патроны они оставили своим. Ну, спасибо и на этом. Комиссар крикнул тем, кто стоял у алтаря:

– Вы свободны! Уходите через окна!

Пленники не заставили себя долго ждать и тут же исчезли в разбитых проемах. Теперь их места заняла новая пара.

– Эх, жаль отпускать сволочей! – вздохнул Манасян.

– Далеко без оружия они не уйдут. А так мы хоть храм освободим.

Сверху спускались уже не двое, а трое солдат. Иванов приготовился принимать новые автоматы, как вдруг из узкого лестничного проема в притвор полетела граната. Взрыв! Взрыв! Взрыв!

Те, кто уцелели в притворе, открыли стрельбу по лестнице. Но Иванов этого уже не слышал».

* * *

Укрывшиеся в храме немцы вольно или невольно спасли защитников Центрального острова (Цитадели) от артиллерийского обстрела.

«Стало ясно, что артиллерийская поддержка ближних боев в крепости невозможна, так как наша пехота вошла в соприкосновение с русскими, собствен-

*Бой в крепостном дворе, фрагмент трехмерной панорамы
«Герои Брестской крепости», г. Рязань.*

ную линию наступления нельзя было установить в лабиринте строений, кустарника, деревьев, руин, частично она даже была отрезана очагами сопротивления русских или окружена. Неоднократные попытки задействовать отдельные полевые противотанковые орудия и легкие полевые гаубицы, стреляя прямой наводкой, претерпевали неудачу по причине плохой обзорности и угрозы попасть в своих, и кроме того из-за большой толщины стен крепости», – признавался позже командир 45-й пехотной дивизии генерал-майор Ф. Шлипер.

К сожалению, единой линии отпора защитникам создать не удалось. Да никто им, кроме самой жизни, такую задачу и не ставил. Задача была одна – вырваться из каменного мешка и влиться в свои подразделения и части, которые сражаются на своих исконных позициях вне крепости. Поэтому один прорыв следовал за другим, и каждая такая вылазка удачная или неудачная сама собой ослабляла позиции защитников. Самое яростное сопротивление было оказано противнику на Центральном острове – в сердце всей Крепости – Цитадели. Основные бои шли здесь и за храм-полковой клуб, и за Брестские (Трехарочные ворота), и за подвалы Арсенала, а также за здания Инженерного управления и Белого дворца. В этих двух весьма приметных строениях располагался 75-й отдельный разведывательный батальон со своей легкой бронетехникой. Именно на броневиках этого батальона Самвел Матевосян попытался совершить прорыв в город. Но все машины были подбиты.

Только 26 июня был подавлен последний очаг сопротивления на Центральном острове. Это случилось после того, как немецкие саперы, забравшись на крышу кольцевой казармы 455 стрелкового полка, подорвали второй этаж. Под обломками кирпичных стен и сводов погибли те, кто так метко укладывал захватчиков на территории цитадели. Нам неизвестны их имена, их командиры. Сохранились только фотографии, сделанные немцами. Но и эти безмолвные бесстрастные свидетельства говорят об одном – держались до последнего, из крепости не ушли, в плен не сдались.

С падением Центрального острова вся тяжесть боев переместилась на самый большой Северный остров или Кобринское укрепление. Здесь было по меньшей мере два значительных очага обороны – Восточный форт и рavelин, в котором размещался полевой хлебозавод, а ныне мощная пулеметная точка, бойцы которой держали под прицелом мост перед Трехарочными воротами, мост через Мухавец.

Майор Гаврилов вместе с остатками разрозненных подразделений своего полка и других частей укрылся в Восточном форту. Это небольшая крепость в крепости, некогда хорошо обвалованная и казематированная, использовалась как конюшня, артпарк отдельного зенитного дивизиона и под различные склады. Теперь же под ее траверсы стекались бойцы из разных рот и батарей. Сюда же прибежали спастись офицерские жены и дети с Командирской улицы.

*Командир 44-го стрелкового полка
майор Петр Гаврилов*

*Жены и дети защитников крепости
в окружении гитлеровцев*

Те из красноармейцев, кто примчался в одних трусах и майках находили на складах Восточного форта обмундирование. Но самое главное, здесь стояли противотанковые пушки и зенитные счетверенные пулеметы, установленные в кузовах «полutorок».

Справившись с первым ошеломлением, майор Гаврилов, как старший по званию и должности провел боевой расчет, то есть разбил всех скопившихся бойцов по взводам и распределил им участки обороны.

Немцы не сразу поняли, что Восточный форт – это крепкий орешек, над которым придется потрудиться изо всех сил. Поначалу большая группа офицеров собралась на перекрестке двух главных дорог Северного острова. Они изучали объект, как на экскурсии, совсем не заботясь о безопасности.

В Форту это заметили.

– Вот сволочи! От наглости страх потеряли. А ну, – кивнул майор Гаврилов лейтенанту, – выкатывайте «счетверенку».

Полutorка со счетверенными «максимами» – зенитная установка – выкатила из каземата на позицию. 30-секундная работа четырех пулеметов уложила всю группу наземь, никто и отползти не сумел. Это был самый большой урон, который понесли немецкие батальоны в Крепости.

Мсть за расстрел офицеров на перекрестке была ужасной. Немцы перебрали к Восточному форту химическую роту, и солдаты с ранцевыми огнеметами поливали с валов казематные амбразуры. В некоторых казематах стояли кони, у них вспыхивали гривы, истощенное конское ржание несло отовсюду. Женщины и дети сбивали с лошадей пламя попонами.

– Воды бы!

Но воды не было даже для раненых. Они открывали пересохшие рты в надежде, что с холодных сводов упадет хотя бы капля конденсата.

На перекресток перед Фортом выехала радиомашинка. Ее рупоры были направлены на валы форта, которые еще дымились после атаки огнеметчиков. Один из офицеров держал в руках микрофон. Он говорил по-русски четко, без акцента: «Советские солдаты! Мы ценим ваше мужество. Но оно не имеет смысла. Германские войска окружают Минск. Помощь к вам не придет. Вы обречены на мучительную гибель».

Кто-то из бойцов прицелился в диктора из оконца конюшни. Выстрелил, но промахнулся. Машина уехала.

Понимая, что теперь немцы обрушатся на них всей мощью своего оружия, майор Гаврилов приказал женщинам и детям покинуть форт, выйти под белым флагом и сохранить себе жизнь. Молча, безропотно, жены командиров, ведя детей за руку, неся младенцев у груди, вышли и двинулись навстречу захватчикам. Их пощадили, дали возможность уйти в город.

ОТ ЭТОГО ВЗРЫВА ВЗДРОГНУЛ ВЕСЬ ГОРОД...

Мерный мерзкий угрожающий гуд тяжелого бомбардировщика накрывал Крепость. Немецкие солдаты забрались на гребни валов и предвкушали небывалое зрелище. Им сообщили, что на Восточный вал будет сброшена сверхмощная бомба весом в 1800 килограмм. Наконец появился самолет. Он сделал широкий круг над Восточным фортом и получил подтверждение – белой трехзвездной ракетой, пущенной немецким офицером.

Убедившись, что цель опознана правильно, летчики легли на боевой курс. И вот отделилась черная точка.

Зрители легли наземь, некоторые закрыли уши, но продолжали смотреть во все глаза.

Бомба летела недолго. Чудовищный взрыв сотряс не только Крепость, но и город. Даже в Тереспеле за несколько километров задрожали стекла.

Взрыв 1800-килограммовой авиабомбы, кадр из к/ф «Брестская крепость».

Огромный черный столб поднялся над фортом и как бы завис в воздухе, не желая оседать. Над ним взметнулось грибовидное облако пыли... Зрители в серо-мышиных мундирах поднялись на ноги и зааплодировали.

В казематах удар сверхбомбы отозвался сильной встряской и воздушным ударом, от которого одни теряли сознание, другие хватались за уши, пытаясь остановить кровь. Оглушенный радист по-прежнему твердил в микрофон: «Я – крепость... Веду бой...» Но бой в форту после удара с воздуха прекратился сам собой. Это было 29 июня 1941 года.

Казалось бы, все на этом можно было бы ставить точку. И немцы поспешили это сделать. Поспешили, потому что защита крепости продолжалась. Не было крупных очагов, но выстрелы по-прежнему гремели отовсюду.

Командир роты 133-го пехотного полка Михаэль В. писал своей жене:

«Мы все еще возимся тут в старой крепости, которую русский защищал с таким фанатизмом и самоубийственным ожесточением. Даже сейчас, уже после того, как мы давно продвинулись в ядро крепости, в нашем тылу постоянно стреляют со всех сторон, особенно по ночам. Из домов, которые уже не однократно обыскивали, разрушали, и откуда уже выкуривали противника, вдруг опять целый фейерверк выстрелов, мы снова заходим, обнаруживаем два или три рус-

Чудовищный взрыв сотряс не только Крепость, но и город, кадр из к/ф «Брестская крепость».

ских, укрывшихся с пулеметом, уничтожаем их — полчаса спустя снова гремят выстрелы из того же дома. Стрелков на деревьях не так то просто обнаружить, стреляют постоянно, и никто не может быть уверен, что он не попадет такому на мушку. За первые два дня нам не попалось ни одного русского в обмундировании, мы вытаскивали их из укрытий то в нижней рубашке, то в кальсонах, то в трусах или каких-то странных спецовках, испачканных до неузнаваемости. Притворяются мертвыми, а потом вдруг давай стрелять сзади, побег пленных — обычное дело. Это отчаянное сопротивление почти невозможно понять».

* * *

Важно понять, что крепость обороняли не какие-то элитные части (пограничники не в счет), а самые обычные красноармейцы, из которых больше половины было из нестроевых, хозяйственных и вспомогательных подразделений — шоферы, связисты, саперы, химики, продовольственники, медики... Для обороны крепости предназначался лишь один стрелковый батальон. Остальные боевые части должны были быть выведены из крепости в угрожаемый период. И их выводили до начала боевых действий, выводили под разными предлогами скрытно не только от вероятного противника, но и от окружного начальства, которое ретранслировало все опасения московских стратегов: не спровоцировать бы Германию слишком ранним выводом войск на боевые позиции. Обе дивизии — 6-я и 42-я, несмотря на строжайшие запреты сумели вывести из каменной ловушки почти половину своих полков и батальонов. Для остальных же выпала внеплановая, внезапная оборона старых бастионов. И вот что удивительно: «казематы XIX столетия оказались для штурмующих более серьезной задачей, чем все сооружения брестского укрепрайона». К такому выводу пришли современные историки.

Вся модернизация брестской крепости свелась к тому, что на валах Западного острова построили несколько железобетонных ДОТов. Считалось, что именно они, огонь из их амбразур остановит вторжение. Но ДОТы были расстреляны из 88-мм зенитной пушки, которую немцы выкатили на прямую наводку. Кроме того, никто из бойцов не успел занять в них свои места. Немцы били по пустым коробкам. В то же время, чтобы сломить гарнизон Восточного форта, построенного в середине 19 века, пришлось применять танки и бомбардировочную авиацию. Так что старую крепость поспешили списать в разряд устаревшей фортификации, превратив ее в казарменно-складской центр, в большой военный городок.

ПРИКАЗ №1

24 июня в каземате нижнего яруса Инженерной казармы собрались командиры разных участков обороны Цитадели. Они попытались создать штаб единого противодействия, чтобы потом организовать мощный прорыв к своим. На этом совещании был утвержден Приказ №1: «Создавшаяся обстановка в крепости требует создания единого руководства организованного боевого действия для дальнейшей борьбы с противником... Командование поручить капитану Зубачеву...»

После того как в руинах были найдены фрагменты черновика приказа №1, стали считать главным руководителем обороны Брестской крепости капитана Зубачева, подписавшего приказ. Но это не совсем так.

Зубачев был руководителем одного из очагов сопротивления, связать все остальные очаги единой командирской волей скорее всего ни ему, никому либо другому не удалось. Не приходится говорить о телефонной связи — только посыльные могли доставлять распоряжения и то в ночную темень. Появиться днем во дворе Цитадели было равносильно самоубийству.

Если признать, что самым главным участком обороны (главным, в смысле численности бойцов и продолжительности обороны) был Восточный форт, тогда определяется и фигура главного руководителя боев за крепость — командира 44-го стрелкового полка майора Петра Гаврилова. Он и был самым старшим в крепости и по должности, и по званию (если не считать полкового комиссара Е. Фомина, который передал свою гимнастерку с четырьмя шпалами помощнику политрука Самвелу Матевосяну). Оборона Восточного форта была построена по всем правилам тактики и именно перед валами этой небольшой крепости в Крепости немецкая пехота понесла наибольшие потери. Именно

*Руководители обороны крепости капитан Иван Николаевич Зубачев
и полковой комиссар Ефим Моисеевич Фомин*

Герой Советского Союза
Петр Михайлович Гаврилов
на встрече со школьниками,
фото кон. 1960-х гг.

против бойцов Гаврилова немцы вынуждены были применить сначала танки, прикрывавшие огнемётчиков, а потом и бомбардировщики, сбросившие на Форт самую тяжелую в люфтваффе бомбу – в 1800 кг.

Майора Гаврилова можно считать и последним защитником Крепости. Об этом подробно рассказал Сергей Смирнов в своих книгах, этот же факт под-

тверждают и немецкие документы – последний бой в Брестской крепости состоялся 23 ИЮЛЯ! И провел его майор Петр Гаврилов.

Командующий войсками в Генерал-губернаторстве

Суточное донесение Верховному командованию сухопутному войсками «О завершении зачистки крепости и пленении командира» от 25 июля 1941 года

Секретно.

«Крепость Брест-Литовска. 24.07. 41 зачищена от остатков врага. При этом в плен был захвачен один русский старший лейтенант, было найдено семь погибших русских. Есть основания предполагать, что теперь крепость свободна от врага.

Командующий в Генерал-губернаторстве.

Дата и места захвата совпадает со сведениями о пленении майора Петра Михайловича Гаврилова: по его словам он был пленен 23 июля 41-го в одном из капониров возле Северных ворот. При захвате он представился лейтенантом Галкиным.

Из журнала боевых действий №1: «О перестрелке у Северных ворот и пленении командира. 23-24 июля 1941 года:

«23.07.1941. В середине дня 23.07 команда по уборке территории подверглась обстрелу из каземата у Северных работ. Стреляли оставшиеся блокированные в каземате враги. Ранено пять человек. Во время последовавшего за этим событием прочесыванием крепости ранен еще один солдат. В плен взят один русский — старший лейтенант.

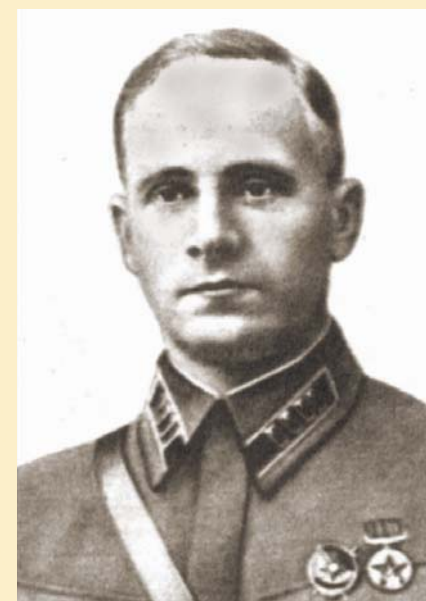
24.07.1941 В результате прочесывания крепости Брест-Литовска на наличие оставшихся в живых врагов было найдено только семь погибших русских».

О судьбе майора Гаврилова поведал в своей бессмертной книге Сергей Смирнов: «Гаврилов не взорвал себя и не застрелился. Он был застигнут автоматчиками в темном каземате внутри вала, где последнее время находился его командный пункт. Майор был вдвоем с бойцом-пограничником, который во все дни обороны исполнял обязанности адъютанта и порученца командира. Они оказались отрезанными от остального гарнизона и, перебегая из одного помещения в другое, бросали вседающих гитлеровцев последние гранаты и отстреливались последними патронами...» Пленили майора в равелине бывшего ветеринарного лазарета, где он истощенный, тяжело больной дал свой последний и решительный бой...

ПЕРВОЕ ТАНКОВОЕ СРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ

Здесь, под Брестом, на перекрестке дорог в районе села Пелище, произошло и первое танковое сражение Великой Отечественной войны. Танковая дивизия сошлась с танковой дивизией во встречном бою. 30-я танковая дивизия под командованием полковника Богданова преградила путь 18-й танковой дивизии вермахта. Это случилось в полдень 22 июня – шел восьмой час войны.

В одиннадцать часов две колонны танков Т-26 под командованием комдива полковника Богданова прошли село Поддубное и вышли на перекресток чуть севернее села Пелище. Навстречу им мчались танки Гудериана, только что прорвавшие углубленную оборону правого фланга 4-й армии — 49-й стрелковой дивизии. Они только что захватили городок Видомль с его кратчайшей дорогой на Брест и теперь пытались завершить охват города с севера. Это были передовые части 17-го моторизованного корпуса вермахта – авангарды 17-й и 18-й дивизий.

Полковник
Семен Ильич Богданов

И те, и другие, несмотря на мотоциклетную разведку, выскочили из леса неожиданно друг для друга. За кормой германских танков осталось урочище Зеленая Горка, за кормой наших – урочище Вузка. Между ними лежали клеверный луг и овсяное поле, перекрестные дороги с севера на юг и с востока на запад — из Каменца в Жабинку и из Пружан в Высокое. На перекрестке стоял большой придорожный крест, срубленный лет сто назад из местной сосны с потемневшим медным распятием. Христос в терновом венце печально взирал на начинающуюся битву.

Из походных колонн танки сходу перестраивались в боевые порядки. Богдановские танки разворачивались грамотно — как на учениях — «елочкой»: четные машины уходили от головной — вправо, нечетные — влево. При всех этих маневрах башни смотрели в сторону противника и вели огонь — одни с ходу, другие — с коротких остановок.

Немецкие «пантеры» съезжали на поле уступом вперед, повторяя клин классической тевтонской «свиньи». Наши Т-26 уходили от дороги уступом вправо, пытаясь развернуться потом в строй фронта. Встречный бой начали головные машины, обменявшись поспешными неточными выстрелами. И тут же, будто бы по их сигналу, загрочотала пушечная пальба. Били с дистанции пистолетного выстрела, били почти без промаха. Башня головного танка вдруг слетела в сторону и подпрыгнула на ухабе, словно большая кастрюля с длинной ручкой. Обезглавленный Т-26 тут же окутался дымом. Но тут же посреди луга, взрытого гусеницами, полыхнул немецкий танк. Бой разгорался с каждой минутой. Броня шла на броню, броня крушила броню, остроклювая сталь прошивала борта и башни, рвала гусеницы, воспламеняла моторы... Одни машины кружили волчком, разматывая сбитые гусеницы; другие лезли на таран; третьи полыхали бензиновыми кострами, пока взрыв боекомплекта не раскрывал их, словно лопнувшие бутоны; четвертые били с коротких остановок по своим бронированным недругам и снова ползли вперед, тесня противника, выискивая-вынюхивая стальными хоботами следующую жертву. Со стороны все это походило на схватку доисторических ящеров, каких-нибудь бронтозавров с тираннозаврами.

Подбитые советские танки Т-26, июнь 1941 г.

Но это была война машин, уже предсказанная фантастами. Правда, в машинах сидели живые люди, и порой они выскакивали из объятых пламенем стальных коробок – обожженные, окровавленные, ожесточенные.

Их косили из курсовых пулеметов. Черные фигурки танкистов хорошо были видны на ярко-зеленом ковре клевера. Ползком и перебежками, ковыляя и падая, они пытались покинуть это грохочущее поле смерти, изрытое воронками, истерзанное клыками гусениц...

Наступательный порыв богдановских танков был сильнее, противник уже стал пятиться к спасительному лесу, как в небе замелькали «юнкерсы». Они заходили на танки почти в отвесном пике.

Одна из бомб угодила в командирский Т-26 с поручневой антенной вокруг башни. Чудовищная сила сорвала всю верхнюю часть корпуса вместе с недоотрванной башней и легко, словно картонку, зияющую прорезями и отверстиями, забросила на сосну; та согнулась под невыносимой тяжестью, но не сломалась.

В тучах дыма и пыли смешались все боевые порядки, и классический поначалу встречный танковый бой превратился в сплошное побоище. Пылала добрая дюжина машин и с той, и с этой стороны, и уже не понять было, что горит: черный жирный дым скрывал и кресты на бортах, и звезды на башнях. Немцы вызвали на помощь авиацию.

Удар с неба приостановил натиск 30-й дивизии, темп наступления резко упал. Машины замешкались, некоторые стали разворачиваться, подставляя борта под бронебойные снаряды. Минута, другая, и красноезвездная лавина – или то, что от нее осталось – рассеется по полю на верную погибель. Но коварная военная фортуна враз переиграла ситуацию.

Самолеты улетели, а к перекрестку подоспел второй полк богдановской дивизии. Он был полон сил и наступательного задора, и его машины сразу же включились в бой. Немецкие командиры мгновенно оценили новый расклад и дали в эфир команду на отход. Огрызаясь из повернутых на корму башен, немецкие танки быстро втянулись в лесное шоссе, и пошли на запад – на Видомль. На поле боя остались около девяносто пробитых, раскрытых, горящих машин – немецких и советских – да круто покосившийся крест придорожного распятия. Встречный бой – жестокий бой, никогда вничью не заканчивается: кто кого – сразу, с ходу, в усмерть... И спустя 75 лет по тем заросшим обочинам все еще валяются траки и катки, ушедшие в землю...

Я – КРЕПОСТЬ. ВЕДУ БОЙ...

Каких медалей у нас сегодня только нет! Оставим в стороне современные общественные награды, отчеканенные по всем поводам нашей истории. Но в череде боевых знаков отличия, таких как, «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда», «За оборону Кавказа», «За оборону Заполярья» зияет досадный пробел – нет медали «За оборону Брестской крепости».

И не важно, что сегодня ее вручать практически некому. Свой век доживает, наверное, самый младший по возрасту – полковник Петр Котельников. Но ведь такую медаль можно было бы вручать потомкам защитников цитадели над Бугом – сегодня их сотни и сотни: и внуки лейтенанта Наганова, и правнуки Самвела Матевосяна, и внукам Гаврилова...

Замечательно сказал один из уцелевших защитников крепости сержант Сергей Протасов: «Есть у меня немало боевых наград – медали «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина»... Но если бы была медаль «За оборону Бреста», я считал бы ее самой высокой». Трудно с ним не согласиться. И упущение это весьма поправимо...

И еще одно соображение. Сегодня в Брестской крепости ведутся реставрационные работы. На мой взгляд в число первоочередных объектов следовало бы внести Трехарочные (Брестские ворота). После боев за цитадель они сохранились, но после войны их разобрали до основания на стройматериалы. Однако после всего того, что мы сегодня знаем о боях в крепости, эти ворота обрели особую знаковую, можно сказать, сакральную ценность.

Вот уже десять лет подряд Брест преобразается в один и тот же день 21 июня. Его главную пешеходную улицу – Советскую – заполняют мужчины в гимнастерках РККА и женщины в платьях по моде последнего предвоенного года. Духовые оркестры играют «Рио-Риту» и «Утомленное солнце», в кинотеатрах идут довоенные фильмы, за уличными столиками сидят пограничники и пехотинцы, танкисты и артиллеристы с петлицами лейтенантов, капитанов, майоров...

Это реконструкторы. Они съезжаются в этот день со всех концов России, из ближнего и дальнего зарубежья. Ближе к вечеру военный люд построится и уйдет в Крепость, ночевать в палатках. А в известный ночной час загремят взрывы, взвоятся дымы, и поднимутся в рост цепи немецких солдат, по счастью, тоже реконструкторов. И на боевом поле закипит сражение, подобное тому, что отгремело здесь без малого столетие назад... Это тоже форма народной памяти о Бресте, и не случайно полгорода приходит в этот ранний час на Северный остров, на Кобринское укрепление.

Лет пять назад, когда я работал над романом «Незаконный из Кенигсберга» я приехал в Брест, чтобы прочувствовать – хотя бы условно – как началась для защитников крепости война.

Я прибил к группе пограничников из Москвы (это был военно-исторический клуб памяти 17-го погранотряда). Ребята расположились посреди боевого поля, поставили палатку, разожгли костерок. Спать никто не собирался, а я прикорнул в палатке на шинелях. Уснул... Утром не сразу понял, что происходит: грохот, взрывы, пальба, беготня, крики, густой дым, перемешанный с утренним туманом... И едкий запах пороха. И мельканье штыков. И вспышки выстрелов. И роса на касках... Все было настолько натурально, что я в тот же день написал одну из лучших глав романа.

ВОИТЕЛЬ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

Писатель,
лауреат Ленинской премии
Сергей Сергеевич Смирнов

О подвиге защитников Брестской крепости я, как и миллионы моих соотечественников, узнал из книг и радио рассказов писателя Сергея Сергеевича Смирнова. В каждом жанре были свои мастера: короли репортажей, очерков, бесед. Но из величайшего сонма советских журналистов, из огромного перечня блестящих имен и золотых перьев, пальму первенства я бы отдал Сергею Сергеевичу Смирнову, создавшему новый, небывалый в истории отечественной журналистики жанр – воскрешение истории, духа, души...

И дело даже не в том, что он первым открыл нам свою Трою – Брестскую крепость (это само по себе величайший творческий подвиг), а еще и в том, что он спасал из лагерей защитников крепости, угодивших туда по вопиющей несправедливости. Писал письма партийным и государственным деятелям, ходил, как тогда говорили «по инстанциям», хлопотал за невинно осужденных, добивался освобождения их из лагерных бараков, помогал им обрести себя в гражданской жизни.

– Сколько помню свое детство, – рассказывает младший сын писателя Константин Смирнов, – у нас в квартире все время жили какие-то люди, приехавшие неведомо откуда и не ждавшие от жизни ничего хорошего. Отец записывал их рассказы, добывал им деньги на билеты, куда-то звонил, устраивал их судьбы... Это были освобожденные им защитники-узники, солдаты и офицеры, воевавшие в Бресте в первые дни войны.

А вот беспристрастное свидетельство военного прокурора Б.А. Викторова:

«Работа писателя С.С. Смирнова завершилась реабилитацией А. Филя, освобождением П. Клыны, снятием всех подозрений с майора П. Гаврилова, с С. Матевосяна и других оставшихся в живых защитников Брестской крепости. Исключенные из партии были восстановлены в ее рядах, надлежащим образом трудоустроены».

«В 1954 году, – пишет Сергей Смирнов, – я заинтересовался тогда ещё смутной легендой о героической обороне Брестской крепости и начал разыскивать участников и очевидцев этих событий. Два года спустя я рассказал об этой обороне и о защитниках Бреста в серии радиопередач «В поисках героев Брестской крепости», получивших широкий отклик в народе. Поток писем, обрушившихся на меня после этих передач, исчислялся сначала десятками, а потом сотнями тысяч...».

Школьником я жил в Брестской области и не пропустил ни одной радиопередачи из этого цикла. До сих пор слышу эту слегка глуховатую неторопливую смирновскую речь. А потом увидел рассказчика и с телеэкрана: красивый мудрый русский человек рассказывал о том, о чем нам никогда не рассказывали в школе, о никому не ведомой войне в тылу Западного фронта, о Крепости и ее безвестных героях. Под впечатлением этих рассказов я потом и сам стал разыскивать участников обороны Бреста, став журналистом, многие годы занимался темой Брестского укрепленного района. Как справедливо отмечает газета «Союз»: «Проводившиеся

Самвел Матевосян, Петр Гаврилов и Сергей Смирнов

Смирновым на протяжении нескольких лет передачи на радио и телевидении породили массовое патриотическое движение по розыску неизвестных героев. Смирнов получил более миллиона писем».

Да, эти волнующие передачи слушала без преувеличения вся страна.

Именно с публикаций Сергея Смирнова началось восстановление доброго имени не только защитников Бреста, но и других солдат, имевших несчастье попасть в немецкий плен, а потом огульно обвиненных в предательстве. Он поверил людям, у которых не было никаких справок и свидетельств. У них была только память. Да еще рубцы бывших ранений.

Военный прокурор Б.А. Викторов: «Смирнов своей книгой первым поставил под сомнение утвердившуюся презумпцию виновности военнопленных, первым отважился двинуться через это минное поле».

Да, это и в самом деле было «минное поле» – идти против мощнейшей партийно-государственной пропагандистской машины. Многого можно было лишиться на этом коварном поле. Но Смирнов вышел победителем!

Его книга «Герои Брестской крепости» произвела переворот не только в сознании простых людей, но и в умах правительственных чиновников. Именно после выхода в свет смирновской книги и его выступлений в эфире власти присвоили Брестской цитадели звание «Крепость-герой». Корявое чиновное словотворчество – «крепость-герой», одним дефисом скреплены слова женского и мужского рода.

Но дело не в морфологии. По справедливости, героем надо было назвать весь Брест, не вычлняя из него составную часть. Героически оборонялся и городской военкомат, и железнодорожный вокзал, и другие объекты, о которых мы пока ничего не знаем. Много в истории города и крепости все еще покрыто непроницаемым пока мраком.

С легкой руки писателя Смирнова, 9 мая – праздник Победы – сделали по-настоящему праздничным, нерабочим днем.

За книгу «Брестская крепость», вышедшую дважды – в 1957 и 1965 годах (второе издание было значительно дополнено и расширено) С.С. Смирнов в 1965 году был удостоен Ленинской премии, награжден орденом Ленина.

...С детства помню тревожное начало этой книги: «В ранний предрассветный час 22 июня 1941 года ночные наряды и дозоры пограничников, которые охраняли западный государственный рубеж Советской страны, заметили странное небесное явление. Там, впереди, за пограничной чертой, над захваченной гитлеровцами землей Польши, далеко, на западном крае чуть светлеющего предутреннего неба, среди уже потускневших звезд самой короткой летней ночи вдруг появились какие-то новые, невиданные звезды. Непривычно яркие и разноцветные, как огни фейерверка – то красные, то зеленые, – они не стояли неподвижно, но медленно и безостановочно плыли сюда, к востоку, прокладывая свой путь среди гаснущих ночных звезд. Они усеяли собой весь горизонт, сколько видел глаз, и вместе с их появлением оттуда, с запада, донесся рокот множества моторов.

Этот рокот быстро нарастал, заполняя собою все вокруг, и, наконец, разноцветные огоньки проплыли в небе над головой дозорных, пересекая невидимую линию воздушной границы. Сотни германских самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно вторгались в воздушное пространство Советского Союза». Зловещая, как полет валькирий, картина начала войны.

А потом разразилась беда. Книгу о Брестской крепости постигла судьба самой крепости. Отмеченная Ленинской премией, она, спустя десять лет – в 1975 году – уходит «под нож»!

«По команде из Москвы 130 тысяч экземпляров только что изданной в Волго-Вятском издательстве «Брестской крепости» на месте «изрезали в лапшу», и макулатуру отправили на Балахнинский бумажный комбинат, – пишет газета «Союз». – Уже очень больному Сергею Сергеевичу Смирнову сказали, что книга может остаться в планах других издательств, если он внесет в книгу изменения и уберет из нее отдельные главы, касающиеся отдельных людей. Например, Матевосяна. На предательство писатель не пошел. Его книга началась с веры людям. С этого, впрочем, начинается все серьезное: победа, родина, семья, работа».

Поводом для гонений на книгу послужило так называемое «дело Матевосяна», одного из главных героев «Брестской крепости».

Именем Матевосяна называли улицы и школы. Герой крепости и Герой Соцтруда в 1971 году вместе с Петром Машеровым, тогдашним руководителем Белоруссии, зажигал Вечный огонь на открытии грандиозного мемориала в Бресте. Но через несколько лет чья-то невидимая рука изъяла из музейной экспозиции все фотографии, на которых присутствовал Матевосян.

Жизнь этого человека рухнула под тяжестью персонального дела, возбужденного по анонимному письму: «Директор Зодкского золотодобывающего рудника С.М. Матевосян присвоил себе документы героя Брестской крепости, погибшего на третий день войны». Далее шла ссылка на только что вышедший четвертый том Большой Советской Энциклопедии.

Сергей Смирнов отправился в Брест, нашел людей, которые знали Самвела Матевосяна, те подтвердили Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС, что именитый армянский геолог, разведывавший уникальное золоторудное месторождение, и замполитрука Матевосян, который добровольцем ушел в Красную армию в 1939 году, а потом тяжело раненным попал в плен, есть одно и то же лицо. После войны Самвел Минасович смог устроиться только в дальней геологической экспедиции. В середине 50-х годов все газеты облетела сенсация: инженер Матевосян открыл золотое месторождение и сам возглавил трест по

его разработке. А тут как раз вышла книга Смирнова. ореол славы засиял над головой Самвела Минасовича. Чужой успех всегда кому-то застит глаза, вот и полетели в «органы» и «высокие инстанции» анонимные письма. И такая беда случилась не только с бывшим замполитрука, но и с сыном полка трубачом Петром Клыпой, и с комсоргом штаба стрелкового полка Александром Филем...

И Смирнов снова выступил на защиту своих героев. На сей раз он вызволял их не из-за колючей проволоки, а из не менее колючих тенет злобных наветов.

С младшим сыном писателя Константином Смирновым мне довелось вместе работать в «Комсомольской правде». Вот что он рассказывал:

– Отец, пожилой человек, ко всему еще и инвалид войны, упорно обивал пороги различных инстанций в тщетной надежде добиться справедливости. Шестнадцать лет книга, удостоенная высшей литературной премии нашей страны, пролежала под спудом ведомственного запрета. В эпоху брежневского безвременья все попытки оживить книгу наталкивались на непробиваемый «слоеный пирог» всевозможных властей. Сначала на верхних этажах шли сладкие заверения о необходимости переиздать, вернуть «Брестскую крепость» в круг литературы. Затем средний «слой» – пожестче и с горчинкой – покусывал книгу: речь шла уже не только об «изъятии» С. Матевосяна, но и Петра Клыпы, и Александра Филя; пока, наконец, дело не упиралось в абсолютно непробиваемую стену, точнее, в вату, где бесшумно гасились все усилия. А письма наши, очередные просьбы о встречах – как камушки в воду, впрочем, даже и кругов не было... И уже потянулись сведения о том, что где-то какой-то официальный лектор публично заявил, что «герои Смирнова – липовые», и тому подобные прелести.

Андрей Сергеевич Смирнов, старший сын писателя:

– По указанию Суслова набор был рассыпан, и почти два десятка лет «Брестская крепость» не издавалась... Через 18 лет она была переиздана. Не могу не упомянуть людей, которые сделали это: издатель Валентин Осипов добился того, что книга была переиздана к годовщине Победы. Издание это было благотворительное, оно практически не продавалось, было разослано в основном по библиотекам, а также в качестве подарочного вручено ветеранам войны, которые приезжали в Москву на празднование Дня Победы.

* * *

Как мало я, да, пожалуй, и все мы, благодарные читатели, знали об авторе любимой книги, о Сергее Смирнове. Жили с ним в одно время, в одном городе и даже были почти соседями по московскому проспекту Мира, где неподалеку от Рижского вокзала стоял, да и сейчас стоит дом №74 – в нем-то без малого десять лет жил и писал Сергей Сергеевич. О его смерти я узнал в марте 1976 года, когда служил далеко от Москвы – в Полярном. Царапнула душу мысль – «а ведь мог бы найти повод познакомиться с ним, пожать руку, сказать благодарные слова...».

Родился Сергей Сергеевич 13 (26) сентября 1915 года в Петрограде. Детство прошло в Харькове в семье отца-инженера, отсюда и первоначальный выбор: МЭИ, Московский энергетический институт. Не доучившись год до получения диплома, оставил электротехнику и поступил на первый курс Литературного института.

В те дни, когда на берегах Буга Брестская крепость истекала кровью, студент-литератор ушел добровольцем в истребительный батальон. Потом поступил в школу снайперов. В 1942-м окончил училище зенитной артиллерии в Уфе, с января 1943-го командовал взводом в 23-й зенитно-артиллерийской дивизии. Лейтенант Смирнов воевал на Днепре, участвовал в Корсунь-Шев-

Старший лейтенант
Сергей Смирнов,
фото 1945 г.

ченковской битве, немало прошагал по фронтовым дорогам в Венгрии. Как человека, имевшего литературный опыт, его взяли в газету 57-й армии, сражавшейся на Юго-Западном фронте.

После войны Сергей Смирнов продолжил свою воинскую службу, работал редактором в Воениздате, уволился в 1950 году в звании подполковника. А далее журнально-газетная стезя: «Новый мир», «Литературная газета»... Тяжело больным принял должность секретаря Союза писателей СССР в 1975 году, а в марте 1976 его не стало.

Погубило Сергея Смирнова, на мой взгляд, чиновное надругательство над главным делом писательской жизни.

Погребен автор «Брестской крепости» в Москве, на Новодевичьем кладбище. Надгробье изображает стену цитадели, в пробоинах которой проступают лица бойцов...

Сегодня имя Сергея Смирнова покрыто пылью забвения. Нынешние властители телеканалов и прочих СМИ не могут простить ему, что, будучи секретарем Московской пи-

сательской организации, он критиковал роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», а также подписал 31 августа 1973 года письмо группы советских писателей в редакцию газеты «Правда» о Солженицыне и Сахарове.

Такое либералы не прощают. Да открой ты миру хоть три Брестские крепости, выведи к жизни хоть целый полк неизвестных героев, нет тебе прощения за то, что не уважил сакральные имена. Вот и сомкнулась над именем Смирнова глухая завеса молчания.

Старший сын его – Андрей Смирнов, известный кинорежиссер, снявший фильм «Белорусский вокзал», сказал об отце так: «Память о нем постепенно стерлась из средств массовой информации, выросло поколение, которое понятия не имеет о том, что был такой человек, была такая книга – «Брестская крепость»... И вот наша мать меня с братом упрекает, говорит: «Что же вы ничего не делаете, чтобы помнили об отце?» Я на это отвечаю, что он сделал такое важное дело, что, я надеюсь, может быть, со временем в памяти русского народа оно не должно стереться. А если сотрется, то все усилия бесполезны».

С данной позицией можно поспорить: нельзя пускать на самотек такое непростое и деликатное дело, как сохранение памяти. Надо действовать так же решительно, как действовал Сергей Смирнов, увековечивая память о Брестской крепости и сотнях ее героев.

Зато в Бресте Сергея Смирнова чтят и помнят: названа в честь него улица, в Музее Брестской крепости стоит его письменный стол, бронзовый бюст... Но есть еще и иная форма памяти.

Поиск, который вел писатель Смирнов, стал началом не государственного, а всенародного похода за восстановление памяти о погибших воинах.

До сих пор по всем землям, где прошла война, люди самых разных поколений вот уже полвека ищут и находят безвестно погибших солдат – от Бреста до Сахалина. Этот воистину вечный огонь воистину народной памяти зажжет Сергей Смирнов.

Последние его слова были обращены к своим героям, героям Бреста: «С выходом в свет этой книги я передал музею крепости весь собранный за десять лет материал и попрощался с темой обороны Бреста. Но вам, дорогие друзья, хочется сказать не «прощайте», а «до свидания». До конца дней я буду гордиться тем, что моя скромная работа сыграла какую-то роль в ваших судьбах. Но я обязан вам больше. Встречи с вами, знакомство с вашим подвигом определили направление работы, которую я буду вести всю жизнь, – поиски неизвестных героев нашей четырехлетней борьбы с германским фашизмом. Я был участником войны и немало видел в те памятные годы. Но именно подвиг защитников Брестской крепости как бы новым светом озарил все виденное, раскрыл мне силу и широту души нашего человека, заставил с особой остротой пережить счастье и гордость сознания принадлежности к великому, благородному и самоотверженному народу, способному творить даже невозможное».

Сегодня Брестская крепость стала самым посещаемым историческим объектом на западе нашего союзного российско-белорусского государства. Миллионы людей стремятся сюда со всего мира, едут люди из Китая и Алтая, Японии и Португалии, Германии и Армении, Владивостока и Мурманска... Немало и дмитровцев побывало в Бресте... Большинство приходят на эти руины вовсе не ради туристской любознательности, а чтобы поклониться воинскому мужеству бойцов из далекого кровавого сорок первого года... Однако, Брестская крепость продолжает свой бой – бой с беспамятством, с доморощенными бизнесменами, которых весьма раздражает такая большая «ничем особо не занятая площадь» исторической зоны. Они готовы строить здесь отели, рестораны, всячески огламуривать крепостное пространство, пытаются превратить его в «парк культуры и отдыха». Борьба эта идет с переменным успехом: то дорогу проложат, прорезав крепостной вал, то исторические стены заштукатурят... Городские новостройки почти вплотную подошли к внешнему обводу Крепости, давным-давно нарушив историко-мемориальный ландшафт... Бой за твердыню духа ведут и музейные работники, и местные краеведы, историки, да и все неравнодушные горожане, чутко подмечая вторжение всего инородного в историческое пространство.

Давно и безуспешно ведется поединок с рестораторами, обосновавшимися в равелине, политом кровью солдат 41-го. Здесь в конце июня находился один из упорнейших очагов обороны, обозначенный на немецких картах как пункт «пкт 145». И когдаходишь к Северным воротам крепости, к которым ведет Каштановая аллея, сами собой слышатся слова: «Я – Крепость! Веду бой...»

Могила С. С. Смирнова
на Новодевичьем кладбище Москвы

ОБ ИЛЛЮСТРАЦИЯХ К ЭТОЙ КНИГЕ

22 июня, день памяти и скорби. И еще день мужества тех, кто встал на пути фашистской армады без всякой надежды на помощь, подкрепления, на успех. Но они встали, как это сделали бойцы Брестской крепости, защитники Смоленска и Вязьмы... Погибли большей частью безымянными, но уже тогда – 22 июня 1941 года – заявили свое право на Победу. «Как трудно погибать им в сорок первом, не зная ничего о сорок пятом», – сказал поэт. Сегодня мы можем судить о них, солдатах сорок первого года, по исклеванным пулями и осколками стенам Цитадели, памятникам да редким фотографиям, сделанных большей частью немецкими фотохроникерами. У защитников Брестской крепости фотоаппаратов не было, да и некогда им было снимать.

Время показало, что фотокамера – это тоже оружие только с очень дальним прицелом в будущее. Его эффективность мы осознаем сегодня особенно остро. Ведь каждый год о боевых делах вермахта выходят десятки прекрасно иллюстрированных и хорошо изданных альбомов, журналов и прочих изданий, многие из которых переведены на русский язык и изданы в России. В Красной армии фотоаппарат был не в почете. Снимать разрешалось только военным фотокорреспондентам и то с большими ограничениями. У немцев же при каждой дивизии был свой штатный фотохроникер, да и портативная камера в обиходе солдат и офицеров отнюдь не запрещалась.

Вот и получается теперь, спустя многие годы, что мы проигрываем информационную фотовойну тем, кого победили не с «лейками», но с автоматами в руках. Солдаты вермахта горделиво шествуют по глянцевым страницам, на которых наша армия представлена в основном в виде заснятых трупов или плененных с поднятыми руками. Так переосмысливается, переиначивается наша военная история. Если не на скрижалях, то в сознании новых поколений, ведь фотография воздействует во много раз быстрее, чем текст.

Вот и получается, что у государства нет средств, чтобы достойно противостоять этому фотореваншу. Обидно смотреть на войну через объективы вражеских хроникеров. А ведь у нас в архивах и домашних фототеках фронтовых операторов лежат под спудом сотни уникальных фотодокументов

И все-таки противостоять подобному натиску можно. На помощь пришла методика «фотопризмы», которая позволяет коллажировать снимки, снятые в разное время с одного и того же места...

Искать лица бойцов из сорок первого трудно. Официальная советская фотохроника общеизвестна. Но представленные ею портреты наперечет. Как пра-

Ахтунг! Русские стреляют метко...

Бой в цитадели.

Восточный форт. Последний оплот.

вило, они хорошо известны нашему зрителю по многочисленным публикациям, как правило, выражение этих лиц близки к плакатам. Но таких лиц, какие были у наших солдат в сорок первом, мы уже не увидим на снимках последующих лет, особенно предпобедных. Выручали кадры с сайта «Бундесархива». Но и там редко удавалось найти что-нибудь подходящее. Немецкие фоторепортеры снимали наших военнопленных так, чтобы на первом плане были азиатские физиономии. Им надо было доказать, что Красная Армия – это орды узбеков, киргизов, казахов, таджиков, которым доблестный вермахт преградил путь в Европу. Зато видовые кадры Крепости, ее руины со следами боев отсняты качественно и достоверно.

Много лет я искал и ищу старые фото на антикварных развалах вроде «Измайловского вернисажа». В старых альбомах попадаются и снимки предвоенных лет и первого года войны. Некоторые из них датированы и даже подписаны. Но только некоторые. Так возникают фотоколлажи с воистину «неизвестными солдатами». Сколько таких полегло в том же Бресте! В свое время немало мне помогла работа в фотоархиве Центра по сохранению памятников и воинских захоронений за рубежом «Обелиск» при министерстве культуры РФ, увы, упраздненного недоброй памяти Михаилом Швыдким в его бытность главой российской культуры.

Работа кропотливая, но благодарная: одно за другим возникают сначала на экране, потом на бумаге неснятые «видения» сорок первого года. Сегодня общее количество реконструированных снимков приближается к сотне. Хорошо бы издать буклет-каталог.

«Изобретение фотографии, – писал академик Сергей Вавилов, – сыграло в истории человечества такую же роль, как и изобретение книгопечатания». И он абсолютно прав. Другое дело, что мы слишком быстро привыкли к чуду фотографии.

Последний диск.

СЕРИЯ КНИГ «ЧИТАЙ И СМОТРИ»

Книга 1.
Аркадий Зюзин
«Непобежденный»

Книга 2.
«Священномученик
епископ Дмитровский
Серафим (Звездинский)»

Книга 3.
Аркадий Зюзин
«Первые в созвездии СУ»

Книга 4.
Аркадий Зюзин
«На защите Отечества»

Книга 5.
Лариса Черкашина
«Александр Пушкин.
Тайны древа»

Книга 6.
Аркадий Зюзин
«Притяжению земному вопреки»

Книга 7.
Ирина Пятилетова
«Странствия русского
пилигрима. Святая Земля»

Книга 8.
Ирина Соловей
«Архангельское, «что в бору»

Книга 9.
Николай Черкашин
«Легендарный Севастополь»

Книга 10.
Аркадий Зюзин
Николай Черкашин
«Бросая вызов бездне»

Книга 11.
Ирина Пятилетова
«Анна из рода Патрикеевых.
(Иоанна Дмитровская).»

Книга 12.
Татьяна Мирошник,
Владимир Мирошник
«Минное поле»

Книга 13.
Николай Черкашин
«Глубины, дельфины, Галина...»

Книга 14.
Николай Черкашин
«Брестские врата»
Рекомендуем посмотреть!
Художественный фильм
«Брестская крепость» (2010 г.)
Режиссер: Александр Котт
Документальный фильм
«Брест. Крепостные герои» (2010 г.)
Режиссер: Сергей Иванов

Читай и смотри интернет-версию: kino-slovo.ru

© Образовательный проект «Берега»
Авторы проекта Ирина Дядченко, Юлия Васечко
Литературный редактор Ирина Пятилетова
Корректор Мария Лобанова

Выражаем благодарность спонсорам за поддержку проекта
Москва - 2019

